

2011.01.013. КАМАЛОВА Р.У., ТОМАШОВ И.А. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНОМИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ. (Аналитический обзор).

Данный обзор посвящен анализу исследований социальной и политической аномии в зарубежной социологии¹. Феномен аномии стал объектом исследований начиная с конца XIX в. – в работах Жана-Мари Гюйо, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. В середине XX в. большое внимание проблеме аномии уделял Роберт Мертон, а с 1950-х годов попытки измерения уровня аномии и эмпирические исследования этого феномена приняли систематический характер. В настоящее время собрано значительное количество эмпирической информации, связанной с аномией; для анализа уровня социальной и политической аномии в качестве индикаторов используются социально-экономические данные, электоральная статистика, уровень преступности, данные опросов населения и прочие микро- и макропоказатели. Авторитетным источником статистической информации является Всемирное исследование ценностей, осуществляемое по инициативе Рональда Инглхарта (Инглгарта)². В свете посткоммунистических трансформаций стран Центральной и Восточной Европы популярным направлением анализа стало изучение последствий демократических и рыночных реформ и общественных настроений в этих странах.

Аномия является одним из центральных социологических понятий, введенным в научный оборот в конце XIX в. Эмилем Дюркгеймом. После актуализации в работах Роберта Мертон в 1930-е годы концепция аномии пережила в своем развитии несколько стадий, включая спад интереса к ней в 1940-е и 1970-е годы и возрождение в 1950–1960-е годы и начиная с 1980-х годов по настоящее время (3, с. 16).

Как показывает в своих работах Марко Орру, представляется возможным выделить четыре идеальных типа аномии:

- «Война всех против всех», характеризующаяся полным отсутствием институциональных норм (Томас Гоббс);

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Политическая аномия в современной России» при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ»; № проекта 10-04-0023.

² World values survey: The world's most comprehensive investigation of political and sociocultural changes. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

- Радикальная аномия, появляющаяся в результате полного отсутствия основных этических норм и ценностей (Макс Вебер);
- Ситуация, при которой цели и стремления лишены ограничений и никем не регулируются, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не устоялись; разделение труда не способно продуцировать позитивные контакты между членами общества и эффективную регуляцию социальных отношений (Эмиль Дюркгейм);
- Ситуация конфликта между культурой и социальными структурами; несоответствие целей и доступных средств их достижения, в силу чего люди прибегают к незаконным способам реализации собственных интересов (Роберт Мертон) (12, с. 267).

Несмотря на то что в соответствии с этой типологией можно выделить несколько типов аномии, исторически значимыми для западных обществ являются только два последних. Представление о «войне всех против всех» является теоретическим конструктом, а аномия по Веберу – редким и маргинальным явлением.

Макс Вебер, рассматривая в своем трехтомном труде «Очерки по социологии религии» мировые религии и их роль в развитии Китая, Индии и государств Запада, выделял условия возникновения аномии в кросскультурном контексте (в западных и незападных обществах) (12, с. 264). Двумя идеально-типическими реакциями на иррациональность мира выступают аскетизм, требующий активной этической позиции, и противоположный ему мистицизм, заключающийся в отрешении от светских интересов. Исторически приверженцами аскетизма были монашеские ордены и пуританские секты; мистицизма – конфуцианские мудрецы и буддистские монахи. «Радикальное отрицание мира естественно приводит к радикальной аномии», – замечает Вебер (цит. по: 12, с. 265).

В пуританизме Вебер видит опасность для западной культуры, однако пуританизм и подобные ему течения, отрекающиеся от мирского существования и моральных норм, всегда были редкими и краткосрочными явлениями и не получали широкого распространения на Западе, хотя и не могли быть окончательно искоренены. Аскетизм отрицает светское существование и позитивный закон, оставаясь при этом в нормативных рамках. В противоположность «внутреннему» отречению отрицание существующего мира в мистицизме дополняется отсутствием любых норм (ataxy) и законов

(anomie). Последствием становится отрицание этических различий между добром и злом и отрицание светских законов, в результате чего социальные действия уже не укладываются в логику целей и средств (12, с. 266). Согласно Веберу, аномия – явление непостоянное, а потенциал аномичного поведения неодинаков у разных народов и имеет разный смысл в разных культурах. Таким образом, Вебер развивал несколько иной подход к пониманию аномии, значительно отличавшийся от принятого в настоящее время.

Французский философ и поэт Жан-Мари Гюйо также является основателем альтернативного подхода к определению «безнормия» и мог бы оспорить первенство употребления термина «аномия» у Э. Дюркгейма (13, с. 499). Гюйо изучал эволюцию моральных норм, и мораль для него не являлась универсальной мерой социальной солидарности. Наоборот, мораль автономна, и связь между индивидом и коллективом формируется под воздействием разных моральных норм. Эти нормы появлялись в различных исторических условиях, и моральная аномия – отсутствие четких моральных правил – это характеристика этики современности. Гюйо не акцентирует внимание на непреодолимости разрыва между индивидуальным и коллективным существованием, которые, по его мнению, «сходятся» в стремлении людей к действиям. С упадком влияния религии именно человек и его разум становятся первичным источником знаний и моральных идей, а значит, увеличивается дифференциация норм в целом, они становятся все более гетерогенными. Моральная аномия возникает как ответ на рост объема знаний и рациональности, потому что «мы даем нашим ученикам теоретическую *возможность* действовать, чем вызываем религиозную и моральную аномию» (цит. по: 13, с. 511). Таким образом, аномия у Гюйо не является чем-то отрицательным, а образование выступает средством ее распространения, в то время как у Дюркгейма аномия имеет негативную смысловую нагрузку, и образование является способом ее преодоления.

Разрабатывая свою теорию развития общества (social transition) и особо выделяя значимость перехода от аграрного к индустриальному обществу, Дюркгейм заявлял, что сохранение социального порядка в обществе происходит через социальную интеграцию и регулирование (13, с. 508). Все нации развивают образцы нормативного поведения и системы верований в процессе эволю-

ции. В период перехода от аграрного общества к индустриальному происходит распространение новых норм и ценностей, которое разрушает равновесие, сложившееся в традиционном обществе, и ломает сакральные религиозные институты, традиционные убеждения и предписанные статусы. Аномия возникает потому, что разделение труда не может продуцировать достаточно позитивные контакты между членами общества и эффективную регуляцию социальных отношений. Подобные изменения заставляют людей сомневаться в эффективности старых культурных норм и правил, приводя к резкому росту аномии. В результате того, что появляется множество новых правил и других путей достижения целей, возникает непонимание (*confusion*) действующих норм и правил. Такую ситуацию Дюркгейм определял как аномию (18, с. 511). Сопоставляя различные характеристики обществ, он пришел к выводу, что общество, в котором доминируют дифференциация и индивидуализм, наиболее склонно к состоянию повышенной аномии. Так, причины современной аномии восходят к XVIII в., когда в эпоху промышленной революции комплексное разделение труда размыло исторически сложившиеся социальные нормы. Это констатировал и Карл Полаanyi, утверждая, что отсутствие регулирующих норм в обществе приводит к встраиванию социальных отношений в рыночные, а не наоборот.

В 1930-е годы Р. Мертон обратился к концепции аномии, разрабатывая теорию социального порядка. Он объяснял аномию особенностями развития социальных структур – именно поэтому, с его точки зрения, разные общества имеют разный уровень аномии. Несмотря на то что в американском демократическом обществе отсутствуют культурные барьеры для вертикальной мобильности, путь вверх по социальной лестнице и реализация «американской мечты» крайне затруднительны для бедных слоев населения. Люди, не достигшие финансовой состоятельности, испытывают состояние аномии по той причине, что на них давят культурные представления о возможности достижения экономического успеха. Аномия выражает социальную ситуацию, в которой люди не могут достичь общественно приемлемых целей законными способами и в силу этого зачастую прибегают к незаконным средствам (10).

Интерпретация Мертоном феномена аномии позволяет сформулировать следующие тезисы:

- демократический режим обуславливает широкую распространенность аномии (5, с. 28);
- аномия возникает внутри общественной структуры (7, с. 471);
- источником аномии является неравенство (18, с. 1211).

Необходимо отметить, что, изучая феномен аномии, ни Мертон, ни Дюркгейм не дали его строгого определения. Вместе с тем сегодня общепризнано, что концепция Дюркгейма описывает состояние «безнормности». В свою очередь, это понятие включает в себя бессилие, отчуждение, путаницу относительно нормативных правил (18, с. 1211). Было подсчитано, что в своих работах в период с 1938 по 1964 г. Мертон использовал как минимум 10 определений аномии. Наиболее четкую дефиницию этого явления он дает в работе 1964 г.: «Аномия – это отсутствие консенсуса относительно норм, считающихся легитимными, и сопутствующая неопределенность и ненадежность в общественных отношениях» (цит. по: 18, с. 1211). Однако в работах Мертона не всегда можно разделить понятия «аномия» и «напряжение» (strain)¹, что приводит к дополнительной путанице в последующих теоретических и эмпирических исследованиях (7, с. 472).

Если попытаться объединить две наиболее распространенные трактовки аномии, то можно заключить, что она представляет собой продукт быстрых социальных изменений и адаптивной реакции индивида на «проницаемую» систему социальной стратификации. В табл. 1 представлены сходства и различия концепции аномии в трактовках Эмиля Дюркгейма и Роберта Мертона².

¹ Смысл выделения понятия «напряжение» состоит в том, что оно демонстрирует, как структура общества вынуждает человека, перед которым закрыты институционализированные пути достижения его корыстных (в экономическом смысле) целей, добиваться желаемого нелегальными средствами. Эта теория была популярна в 1960-е годы, когда с ее помощью пытались объяснить девиантное поведение людей во многих обществах. Про аномию же в своей работе 1968 г. Мертон пишет, что она возникает, когда уникальное культурное сочетание критериев успешности и средств ее достижения ведет к моральному нивелированию правил (7, с. 480).

² Таблица подготовлена авторами обзора на основе данных, содержащихся в исследовании: Zhao R., Cao L. Social change and anomie: A cross-national study // Social forces. – Chapel Hill (NC), 2010. – Vol. 88, N 3. – P. 1213.

Таблица 1

**Сходства и различия теории аномии
у Э. Дюркгейма и Р. Мертон**

	Э. Дюркгейм	Р. Мертон
Различия		
Объект анализа	Французское общество в период перехода от сельского к городскому в начале XIX в.	США в 1930-е годы в период Великой депрессии.
Причина аномии	Динамичная индустриализация в сочетании с менее быстрым ростом регулирующих сил.	Доступные средства не позволяли достичь культурно одобряемых целей индивидуального успеха.
Представление об аномии	В обществе с органической солидарностью аномия является патологией, с которой невозможно бороться.	Ограниченная степень аномии является нормой, так как неотделима от сущности демократического общества.
Сходства		
Определение аномии	Отсутствие норм: по Дюркгейму – в широком смысле, т.е. норм, ориентированных на получение пользы и удовлетворение интересов и просто регулирующих поведение; по Мертону – отсутствие консенсуса по поводу легитимных способов достижения целей.	
Характеристики аномии	Социальные условия влияют на индивидуальное психологическое состояние, вызывая аномию.	
Отклоняющееся поведение (включая суицид) и аномия	Отсутствие норм, регулирующих поведение, становится фактором, заставляющим отклоняться от установленных стандартов; высокий уровень самоубийств и другие девиации в поведении ожидаемы при распространении состояния аномии.	
Период существования аномии	Постоянный: аномия является характерным состоянием для транзитных обществ, по Дюркгейму, и характерным для демократических обществ, по Мертону.	

Первые эмпирические работы по изучению аномии появились только в середине XX в. В 1952 г. на основании данных о президентских выборах, в ходе которых Э. Стивенсон проиграл Д. Эйзенхауэру, исследование аномии было проведено в Мичиганском университете под руководством Э. Кемпбелла, Г. Гурина, У. Миллера.

Немного ранее, в 1950 г. в Спрингфилде (Массачусетс) в рамках оценки эффективности антидискриминационной кампании в общественном транспорте Лео Сроул предпринял исследование отношения ко всем неместным жителям города (афроамериканцам,

евреям и представителям других национальностей). В связи с ограниченной практической применимостью определения аномии, данного Дюркгеймом, и все большей распространенностью самого понятия, оно было несколько расширено и отнесено к области индивидуально-психологического поведения (вместе с тем признавалось, что аномия – в первую очередь явление социальное). Сроул отмечает большую популярность определений этого феномена Робертом Макайвером («Аномия – это разрушение чувства принадлежности индивида к обществу») и Гарольдом Лассуэлом («Аномия – это недостаток идентификации с другими. Современный человек страдает от физической изоляции. Он чувствует себя одиноким, оторванным, лишним, нелюбимым и нецененным») (цит. по: 17, с. 712).

Гипотеза, которую в своем исследовании 1950 г. проверял Сроул, состояла в том, что аномия (недостаточная вовлеченность в общественную жизнь) связана с отрицанием маргинальных групп («аут-групп»), в частности национальных меньшинств. Для проверки данной гипотезы был опрошен 401 респондент, причем в опросе участвовали только белые американцы христианского вероисповедания, пользовавшиеся общественным транспортом. Опросный лист содержал 15 вопросов, касавшихся проблем отношения к меньшинствам, аномии и авторитаризму. В частности, для выявления уровня аномии были заданы вопросы о том, испытывает ли опрашиваемый: а) ощущение того, что политические лидеры оторваны от людей, безразличны к ним и их нуждам; б) нестабильность и непредсказуемость общественного порядка; в) вынужденный отказ от целей, уже достигнутых ими самими или подобными им людьми; г) утрату усвоенных норм и ценностей, что выражается в крайней форме чувства бессмысленности самой жизни как таковой (пункт, наиболее близкий к определению Дюркгейма); д) ощущение того, что межличностные связи не являются предсказуемыми и поддерживающими.

Анализ полученных данных показал, что существует сильная связь между авторитаризмом и аномией (+0,45)¹, сильная связь между аномией и отношением к меньшинствам (+0,43) и более слабая

¹ Приведено значение коэффициента корреляции Пирсона, где +1 – положительная линейная взаимосвязь, -1 – отрицательная линейная взаимосвязь, 0 – отсутствие линейной взаимосвязи.

связь между авторитаризмом и отношением к меньшинствам (+0,29). С учетом сильной корреляции между авторитаризмом и аномией был вычислен частный коэффициент корреляции, нивелирующий влияние степени авторитаризма. Выяснилось, что существует независимая положительная взаимосвязь между уровнем аномии и отношением к меньшинствам.

Сроул предложил схему появления связи исследуемых им понятий, в которой независимой переменной являлась социальная дисфункция, зависимой – изменения в характере личности (по Фромму) и проявления адаптивного поведения (по Мертону), а дополнительной вмешивающейся переменной – чувство собственной (не-) принадлежности к группе (17, с. 716).

Измерение аномии возможно на макро- и микроуровнях. На макроуровне аномия определяется как ситуация размывания социальных норм, регулирующих индивидуальное поведение и общественные взаимодействия, однако исследователи до сих пор не выработали единого способа операционализации общего уровня аномии (если не рассматривать его как простое агрегирование микроданных). В противоположность этому существует целый ряд возможных способов измерения аномии на микроуровне – как в трактовках Дюркгейма или Мертона, так и посредством других индикаторов «безнормия».

Если *социальная аномия* определяется как отсутствие консенсуса относительно социальных норм, атомизация общества, то *аномия политическая*, по аналогии, определяется как «чувство бессилия, цинизм, пустота и апатия в отношении политической системы» (6, с. 53). Сложнее обстоит дело с операционализацией понятия политической аномии. Как уже было показано выше, формулировка определения и предложения по измерению аномии, как правило, разрабатываются *ad hoc* с прагматичных позиций.

Еще один – «психологический» – подход к эмпирическому исследованию политической аномии состоит в адаптации теории личности Альфреда Адлера и Гарри Салливана. В своем исследовании 1960 г. Чарльз Фаррис связывает психологические черты личности со степенью шовинизма и ожиданиями военных действий (6, с. 52–54). Данные относятся к 1955 г. и представляют собой результаты интервьюирования членов 645 «белых» домохозяйств в одном из городов штата Алабама. Объясняющие переменные «ав-

торитаризм» и «политическая аномия» измерялись в шкале от 1 до 5, где «5» означало максимальную степень авторитаризма, а уровень политической аномии измерялся обратными степенями «политической силы / уверенности»; таким образом, значение «5» в шкале политической аномии означало ее наименьший уровень. Вопросы, нацеленные на выявление уверенности респондента в своих компетенциях относительно участия в политике, были следующими: 1) «Иногда политика и государственное управление кажутся очень сложными, и такие люди, как я, не могут разобраться в том, что происходит»; 2) «Не думаю, что политики особенно заботятся о таких людях, как я»; 3) «Мне нечего сказать по поводу деятельности правительства»; 4) «На выборах голосует множество людей, поэтому не важно, проголосую ли я». В анализ были включены также возраст и уровень образования респондентов. Были сформулированы следующие гипотезы: чем меньше уровень аномии, тем ниже степень шовинизма и ожидания войны; чем выше уровень образования респондента, тем ниже уровень авторитаризма, политической аномии, шовинизма и ожиданий войны. Для анализа качественных данных и получения выводов собранная информация была организована в виде таблиц сопряженности и к ним был применен критерий «хи-квадрат» (метод максимального правдоподобия).

Первая гипотеза получила подтверждение имевшимися данными; вторая подтвердилась на подвыборке респондентов с низким уровнем образования; на подвыборке хорошо образованных людей была выявлена нелинейная связь (ожидания войны были выше среди людей с умеренным уровнем аномии, чем среди тех, кто не страдал от состояния аномии или, наоборот, был в большей степени ему подвержен). С учетом того, что связь между ожиданиями и уровнем авторитаризма при учете уровня образования не была обнаружена, Фаррис сделал заключение, что переменная «ожидания войны» в значительной степени связана с объемом знаний человека, а потому для оценки вариации двух объясняемых переменных более эффективной является концепция политической аномии.

В 1998 г. Роберт Сэмпсон и Даун Бартуш для выявления уровня уважения к законам выработали индекс аномии / правового нигилизма («legal cynicism») (16, с. 782–784). Несколько лет спустя Ли-Кун Сяо предложил свой собственный индекс, который показывал степень легитимности девиантного (криминального) поведе-

ния и возможности его оправдания (5, с. 22). Респондентам было предложено выразить собственное отношение к шести следующим ситуациям: а) требование социальных выплат, не предназначенных по закону данному индивиду; б) проезд «зайцем» в общественном транспорте; в) неуплата налогов; г) покупка краденого имущества или товаров; д) получение взятки; е) умолчание в случае порчи чужого имущества.

В основе данного вида операционализации понятия аномии лежит определение, данное Мертоном. Индекс Сяо акцентирует внимание на недостатке консенсуса относительно правил поведения и юридических норм в обществе и охватывает разные виды нарушений закона (от уличной преступности до мошенничества «белых воротничков»); более того, нарушителям закона известно, что их действия преступны, но «с моральной точки зрения существующие правила “лишаются” своей юридической силы в результате сильного желания добиться успеха или достичь цели» (6, с. 629). Недостатком данного подхода является то, что индекс фокусируется на гипотетических нарушениях закона и их субъективном восприятии разными индивидами.

Исследования Ли-Кун Сяо и Роберта Агнюю показали, что женщины старшего возраста, замужние и работающие обладают наименьшим уровнем аномии по сравнению с другими категориями населения (6, с. 636; 3, с. 60–61). В целом указанные показатели характеризуют социально-экономическую позицию человека в обществе, и чем более интегрированным в общество является человек, тем меньше вероятность того, что он испытывает состояние аномии (3, с. 61).

В исследовании Рюйхуэй Чжао и Ли-Кун Сяо (18, с. 1216) в модель были добавлены показатели уровня семейных сбережений, а также субъективная оценка действий власти (6, с. 636; 3, с. 60–61). Авторы анализировали данные по разным странам как на микро-, так и на макроуровне. Для микроуровня использовалась база данных второй волны исследования «World values survey» 1995 г., для макроуровня – индекс Джини из Всемирной базы данных о неравенстве доходов¹ и фиктивная переменная (принимаяющая значе-

¹ UNU-WIDER World income inequality database. – Mode of access: http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/database/

ния 1 и 0) для восточноевропейских стран с переходной экономикой. По имеющимся данным были построены многоуровневые модели, объединившие как макро-, так и микропоказатели. Уровень аномии в таких моделях представлял собой композитный индекс из пяти показателей, которые являются ответами на вопросы о том, насколько могут быть оправданы действия, перечисленные выше, за исключением шестого пункта («умолчание в случае порчи чужого имущества»). Шкала ответов – балльная от 1 до 10, где «1» означает, что «поступок не может быть оправдан ни в каком случае», а «10» – что он «абсолютно оправдан». Индекс «уровень аномии» может принимать значения от 1 до 46 (чем больше балл, тем больше уровень аномии). Объясняющая переменная «уверенность во власти» представляла собой индекс из трех других переменных из «World values survey» (уверенность в системе правосудия, полиции и правительстве).

Результаты свидетельствовали о том, что аномия на индивидуальном уровне существует во всех тридцати странах, подлежащих анализу, однако в странах Восточной Европы ее уровень был значительно выше. В 1995 г. еще не было известно, насколько устойчивыми окажутся новые институты, а люди были вовлечены в сложные структурные изменения, и потому правила поведения уже не требовали особых (в том числе полулегальных) средств для удовлетворения их интересов. С течением времени уровень аномии в постсоциалистических обществах снижается, но не исчезает совсем, так как аномия присуща также демократическим обществам, скрепленным «органической солидарностью». Другим важным результатом данного исследования стал тот факт, что уровень имущественного неравенства в модели оказался статистически незначимым, что соответствовало позиции Дюркгейма, согласно которой неравенство является естественным и неизбежным условием развития общества. Вместе с тем не был подтвержден высказанный Мертоном в 1938 г. тезис об особо высоком уровне аномии в демократических США. Здесь важно отметить, что в 1930-е годы США действительно были одним из немногих демократических государств, но с того времени мир пережил уже несколько волн демократизации, и в этом смысле можно говорить об универсализации «американской мечты». Мертон писал, что аномия – типичное

адаптивное состояние в демократиях, что подтверждается эмпирическими данными.

Стабильная и консолидированная демократия имеет не только институциональную базу; помимо легитимных процедур она должна опираться на определенный структурный фундамент, на подкрепляющую ее социально-экономическую систему и укорененные в обществе нормы и ценности демократической гражданственности – особый «социальный капитал» и политическое доверие (см. подробнее: 8, 11, 1).

Политическое доверие может рассматриваться как «современная версия “братства” и вместе со “свободой” и “равенством” составлять необходимое условие демократии» (11, с. 203). Политическое доверие – это гражданское участие, политический интерес и вовлеченность в общественные дела, забота о благе общества, терпимость и готовность к компромиссу, а также уверенность в политических институтах. Поскольку уверенность в политических институтах есть нечто большее, чем уверенность в политиках и правительстве, то именно уверенность в парламенте может выступать в качестве индикатора политического доверия и существования в обществе разделяемого всеми консенсуса. Парламент – неременный и главный атрибут демократических режимов, а значит, резкое падение доверия к институту, призванному обеспечивать представительство интересов граждан, – серьезный сигнал отсутствия консенсуса в обществе. Доверие к институтам в современном массовом обществе не менее важно, чем межличностное доверие. Исследования показывают, что социальное и политическое доверие значительно увеличивает вероятность того, что граждане будут добровольно платить налоги. Следовательно, доверие положительно влияет на практику общественной кооперации, снижает риски «проблемы безбилетника» и эксплуатации граждан со стороны элиты.

Уровень политического доверия показывает, насколько граждане удовлетворены деятельностью политических институтов. Низкий уровень политического доверия означает, что либо какой-либо элемент в системе (политики или институты) работает плохо, либо ожидания чересчур завышены. Вместе с тем излишнее доверие также чревато безответственным поведением политиков; следовательно, развитие демократии должно в разумной мере стимулироваться проявлением недоверия. Не менее важен вопрос о том,

в каких условиях проявляется политическое доверие и уверенность в политических институтах. Хотя еще со времен Алексиса де Токвиля, Эмиля Дюркгейма и Георга Зиммеля считается, что общественные организации граждан учат доверию, пониманию других и совместной работе, стоит признать, что на формирование доверия к окружающим в первую очередь влияют семья, школа, работа и отношения с соседями. Когда индивид имеет позитивный опыт в этих областях, он с большей вероятностью вступит в общественную организацию и будет способен доверять политическим институтам. Впрочем, связь между доверием к людям и политическим доверием не является безусловной.

В исследовании Кеннета Ньютона (11, с. 205–206) рассматривались средние значения уровня социального и политического доверия по 42 странам. В качестве показателей использовались данные первой волны «World values survey» 1990–1991 гг., а именно – ответы на два вопроса: 1) «Говоря в общем, можете ли Вы сказать, что людям можно доверять или что следует проявлять осторожность»; 2) «Какова степень Вашего доверия к парламенту?». Ответы на первый вопрос имеют два возможных значения («1» – «нет» и «2» – «да»); ответы на второй вопрос – четыре значения (от «1» – «совсем не доверяю» до «4» – «доверяю полностью»). Автор доказывает, что исследование социального и политического доверия должно осуществляться на агрегированных данных, поэтому для каждой из стран были посчитаны средние значения и получен вывод о том, что в странах с высоким уровнем общего доверия люди в большей степени доверяют и политическим институтам. Вместе с тем могут быть выделены две группы стран: к первой принадлежали «новые» демократии, где доверие парламенту оказалось выше среднего (что говорит скорее об ожиданиях, связанных с новым режимом, чем об объективной ситуации); вторая группа включала Финляндию и Японию – страны, где связь между социальным и политическим доверием была в свое время разорвана вследствие неудач коалиционных правительств, коррупции в верхах, экономических проблем, инфляции и безработицы. Отсутствие доверия к политическим институтам дестабилизирует политическое существование граждан, ведет к изменениям, которые в свою очередь меняют установленные правила и повышают уровень аномии среди населения.

Дюркгейм не имел исторической возможности наблюдать процессы демократического транзита, однако его концепция может объяснить рост аномии в такой период. По утверждению американского политолога Майкла Макфола, демократизация не может быть безболезненной, поскольку этот процесс поляризует общество, возбуждает этнические конфликты, снижает уровень экономического благосостояния граждан, приводит к росту культурной неоднородности (9, с. 240). Данные, полученные в США, России и других странах, доказывают, что такие факторы, как низкие доходы населения и социальная дезорганизация, оказывают существенное влияние на уровень преступности (15, с. 750). Транзит от авторитаризма к демократии нарушает привычное общественное устройство, ослабляя как формальный, так и неформальный контроль. Существует целый ряд исследований, связывающих между собой феномены политической аномии и политических изменений. Одним из результатов радикальной общественной трансформации оказывается рост преступности как ответ на угрозы по отношению к принятым общественным установкам (14, с. 98–99). Угроза социальной стабильности возникает в ходе политических преобразований, в том числе и демократизации.

Применительно к России (и не только) социальный транзит состоял в скоротечном переходе от тоталитарного режима с закрытой экономикой и жесткой социальной структурой к демократическому режиму и свободному рынку. Показателями уровня аномии в такой ситуации могут выступать явка на выборы, уровень гражданского участия в политике, степень неудовлетворенности граждан политическим развитием их страны, мера согласия с установленными нормами. Другим важным способом измерения уровня аномии является уровень преступности. Уильям Прайдемор указывает, что за период с 1988 по 1994 г. уровень преступности в России утроился (14, с. 97). В исследовании У. Прайдемора и С. Кима построена регрессионная модель, направленная на выяснение варируемости в различных регионах России степени принятия гражданами политических изменений, связанных с распадом СССР, и роли в этих процессах региональных политических институтов и политического поведения граждан. Зависимой переменной в данной модели является изменение стандартизованного по возрасту уровня смертности за 1991–2000 гг., одной из объясняющих переменных –

индекс политических изменений, который рассчитывается как стандартизованная доля голосов за партии КПРФ и ЛДПР на выборах 1999 и 2000 гг. (эти партии рассматриваются как оппозиционные режиму в то время). Чем больше значение индекса политических изменений, тем более значительные преобразования проводились в том или ином регионе в рассматриваемый период. Исходная гипотеза авторов о том, что активные политические реформы ведут к увеличению уровня смертности от насилия в регионах России, подтвердилась. Как отмечают Прайдемор и Ким, полученный вывод не следует трактовать как доказательство строго положительного (ведущего к росту) влияния процессов демократизации на уровень преступности. Скорее переход России к свободному рынку, провал демократизации и резкие политические преобразования как таковые стали факторами, которые привели к разрушению социальных норм и способствовали росту преступности. В отсутствие сильной правовой системы и влиятельного гражданского общества недостаток регулирования и институциональных рамок приводит к росту уровня аномии, который выражается в повышении уровня преступности.

* * *

В настоящем обзоре предпринят анализ зарубежных исследований феномена социальной и политической аномии. Ввиду отсутствия как в западной, так и в отечественной литературе разработанного общепринятого понятия «политическая аномия» представляется возможным предположить, что к области политической аномии относится состояние «безнормия», порожденного специфической функционирования политических институтов, политическими изменениями в масштабе страны или общественной группы, настроениями в сфере политического либо установками в отношении политики и политического процесса в целом.

Список литературы

1. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. – М., 2004. – № 2. – С. 64–75.
2. Феофанов К.А. Социальная аномия: Обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. – М., 1992. – № 5. – С. 88–92.

3. Agnew R. S. Success and anomie: A study of the effect of goals on anomie // *Sociological quart.* – Oxford, 1980. – Vol. 21, N 1. – P. 53–64.
4. Cao L. Is American society more anomic? A test of Merton's theory with cross-national data // *International j. of comparative and applied criminal justice.* – East Lansing (MI), 2004. – Vol. 28, N 1. – P. 15–32.
5. Farris C.D. Selected attitudes on foreign affairs as correlates of authoritarianism and political anomie // *J. of politics.* – Austin (TX), 1960. – Vol. 22, N. 1. – P. 50–67.
6. Featherstone R., Deflem M. Anomie and strain: Context and consequences of Merton's two theories // *Sociological inquiry.* – Oxford, 2003. – Vol. 73, N 4. – P. 471–489.
7. Inglehart R. Trust, well-being and democracy // *Democracy and trust / Ed. by M.E. Warren.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – P. 88–120.
8. McFaul M. The fourth wave of democracy and dictatorship // *World politics.* – Cambridge, 2002. – Vol. 54, N 2. – P. 212–244.
9. Merton R.K. Social structure and anomie // *American sociological rev.* – Wash., 1938. – Vol. 3. N 5 – P. 672–682.
10. Newton K. Trust, social capital, civil society, and democracy // *International political science rev.* – L., 2001. – Vol. 22, N 2. – P. 201–214.
11. Orru M. The ethics of anomie: Jean Marie Guyau and Émile Durkheim // *British j. of sociology.* – L.; Oxford, 1983. – Vol. 34, N 4. – P. 499–518.
12. Orru M. Weber on anomie // *Sociological forum.* – Oxford, 1989. – Vol. 4, N 2. – P. 263–270.
13. Pridemore W.A. Social structure and homicide in post-Soviet Russia // *Social science research.* – Amsterdam, 2005. – Vol. 34, N 4. – P. 732–756.
14. Pridemore W.A., Kim S.-W. Democratization and political change as threats to collective sentiments: Testing Durkheim in Russia // *Annals of the American academy of political and social science.* – Philadelphia (PA), 2006. – Vol. 605, N 1. – P. 82–103.
15. Sampson R.J., Bartusch D.J. Legal cynicism and (subcultural?) tolerance of deviance: The neighborhood context of racial differences // *Law & society rev.* – Oxford, 1998. – Vol. 32, N 4. – P. 777–804.
16. Social support and anomie: A multilevel analysis of anomie in Europe and North America / Cao L., Zhao R., Ren L, Zhao J.S. // *International j. of offender therapy and comparative criminology.* – L., 2009. – Vol. 54, N 4. – P. 625–639.
17. Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study // *American sociological rev.* – Wash., 1956. – Vol. 21, N 6. – P. 709–716.
18. Zhao R., Cao L. Social change and anomie: A cross-national study // *Social forces.* – Chapel Hill (NC), 2010. – Vol. 88, N 3. – P. 1209–1229.